

ДЕВОЧКА ИЗ ГОРОДА

повести

ДЕВОЧКА ИЗ ГОРОДА

КАК ДЕВОЧКА В СИНЕМ КАПОРЕ ПОЯВИЛАСЬ В СЕЛЕ НЕЧАЕВЕ

Фронт был далеко от села Нечаева. Нечаевские колхозники не слышали грохота орудий, не видели, как бьются в небе самолёты и как полыхает по ночам зарево пожаров там, где враг проходит по русской земле. Но оттуда, где был фронт, шли через Нечаево беженцы. Они тащили салазки с узелками, горбились под тяжестью сумок и мешков. Цепляясь за платье матерей, шли и вязли в снегу ребятишки. Останавливались, грелись по избам бездомные люди и шли дальше.

Однажды в сумерки, когда тень от старой берёзы протянулась до самой житницы, в избу к Шалихиным постучались.

Рыжеватая проворная девочка Таиска бросилась к боковому окну, уткнулась носом в проталину, и обе её косички весело задрались вверх.

— Две тётеньки! — закричала она. — Одна молодая, в шарфе! А другая совсем старушка, с палочкой! И ещё... глядите — девчонка!

Груша, старшая Таискина сестра, отложила чулок, который вязала, и тоже подошла к окну.

— И правда девчонка. В синем капоре...

— Так идите же откройте, — сказала мать. — Чего ждёте-то?

Груша толкнула Таиску:

— Ступай, что же ты! Всё старшие должны?

Таиска побежала открывать дверь. Люди вошли, и в избе запахло снегом и морозом.

Пока мать разговаривала с женщинами, пока спрашивала, откуда они, да куда идут, да где немцы и где фронт, Груша и Таиска разглядели девочку.

— Гляди-ка, в ботиках!

— А чулок рваный!

— Гляди, в сумку свою как вцепилась, даже пальцы не разжимает. Чего у ней там?

— А ты спроси.

— А ты сама спроси.

В это время явился с улицы Романок. Мороз надрал ему щёки. Красный, как помидор, он остановился против чужой девочки и вытаращил на неё глаза. Даже ноги обмести забыл.

А девочка в синем капоре неподвижно сидела на краешке лавки. Правой рукой она прижимала к груди жёлтую сумочку, висевшую че-

рез плечо. Она молча глядела куда-то в стену и словно ничего не видела и не слышала.

Мать налила беженкам горячей похлёбки, отрезала по куску хлеба.

— Ох, да и горемыки же! — вздохнула она. — И самим нелегко, и ребёнок мается... Это дочка ваша?

— Нет, — ответила женщина, — чужая.

— На одной улице жили, — добавила старуха.

Мать удивилась:

— Чужая? А где же родные-то твои, девочка?

Девочка мрачно поглядела на неё и ничего не ответила.

— У неё никого нет, — шепнула женщина, — вся семья погибла: отец — на фронте, а мать и братишка — здесь. Убиты...

Мать глядела на девочку и опомниться не могла.

Она глядела на её лёгонькое пальто, которое, наверно, насквозь продувает ветер, на её рваные чулки, на тонкую шею, жалобно белеющую из-под синего капора...

Убиты. Все убиты! А девчонка жива. И одно-то она на целом свете!

Мать подошла к девочке.

— Как тебя зовут, дочка? — ласково спросила она.

— Валя, — безучастно ответила девочка.

— Валя... Валентина... — задумчиво повторила мать. — Валентинка...

Увидев, что женщины взялись за котомки, она остановила их:

— Оставайтесь-ка вы ночевать сегодня. На дворе уже поздно, да и позёмка пошла — ишь, как заметает! А утречком отправитесь.

Женщины остались. Мать постелила усталым людям постели. Девочке она устроила постель на тёплой лежанке — пусть погрееется хорошенько. Девочка разделась, сняла свой синий капор, ткнулась в подушку, и сон тотчас одолел её. Так что, когда вечером пришёл домой дед, его всегдашнее место на лежанке было занято, и в эту ночь ему пришлось улечься на сундуке.

После ужина все уgomонились очень скоро. Только мать ворочалась на своей постели и никак не могла уснуть. Ночью она встала, зажгла маленькую синюю лампочку и тихонько подошла к лежанке. Слабый свет лампы озарил нежное, чуть разгоревшееся лицо девочки, большие пушистые ресницы, тёмные с каштановым отливом волосы, разметавшиеся по цветастой подушке.

— Сиротинка ты бедная! — вздохнула мать. — Только глаза на свет открыла, а уж сколько горя на тебя навалилось! На такую-то маленькую!..

Долго стояла возле девочки мать и всё думала о чём-то. Взяла с пола её ботики, погляде-

ла — худые, промокшие. Завтра эта девчушка наденет их и опять пойдёт куда-то... А куда?

Рано-рано, когда чуть забрезжило в окнах, мать встала и затопила печку. Дед поднялся тоже: он не любил долго лежать. В избе было тихо, только слышалось сонное дыхание да Романок посапывал на печке. В этой тишине при свете маленькой лампы мать тихонько разговаривала с дедом.

— Давай возьмём девочку, отец, — сказала она. — Уж очень её жалко!

Дед отложил валенок, который чинил, поднял голову и задумчиво поглядел на мать.

— Взять девочку?.. Ладно ли будет? — ответил он. — Мы деревенские, а она из города...

— А не всё ли равно, отец? И в городе люди, и в деревне люди. Ведь она сиротинка! Нашей Таиске подружка будет. На будущую зиму вместе в школу пойдут...

Дед подошёл, посмотрел на девочку:

— Ну что же... Гляди. Тебе виднее. Давай хоть и возьмём. Только смотри, сама потом не заплачь с нею!

— Э!.. Авось да не заплачу.

Вскоре поднялись и беженки и стали собираться в путь. Но когда они хотели будить девочку, мать остановила их:

— Погодите, не надо будить. Оставьте Валентинку у меня! Если кто родные найдутся, скажите: живёт в Нечаеве, у Дарьи Шалихи-

ной. А у меня было трое ребят — ну, будет четверо. Авось проживём!

Женщины поблагодарили хозяйку и ушли. А девочка осталась.

— Вот у меня и ещё одна дочка, — сказала задумчиво Дарья Шалихина, — дочка Валентинка... Ну что же, будем жить.

Так появился в селе Нечаеве новый человек.

УТРО

Валентинка не помнила, как уснула на тёплой лежанке. Голоса слились и отдались, будто где-то смутно бормотало радио.

Откуда-то появился старик с косматыми бровями, наклонился над ней, что-то говорил. И потом пропал. Был он на самом деле или приснился Валентинке?

Она проснулась оттого, что звякнули ведром. Ей показалось, что это пуля звякнула в окно, и она вскочила, еле сдержав крик: «Немцы!»

Но тут же опомнилась. Тишина окружала её. На бревенчатых стенах, проконопаченных светлой паклей, лежали бледные солнечные полосы. Замороженные окошки тихо светились. Какие маленькие окошки! Совсем не похожие на те высокие окна, которые были в их доме.

Их дом! Мёртвые серые стены с дырами вместо окон, груды извёстки и кирпича возле две-

рей — вот каким в последний раз она видела этот дом...

Густое тепло окутывало Валентинку. Оно проникало сквозь подстилку — лежанка была хорошо прогрета. Оно заполняло густые завитки бараньего тулупа, которым была укрыта Валентинка. В первый раз за много дней и ночей она почувствовала, что согрелась.

А ей среди снеговых просторов уже начинало казаться, что всё её тело пронизано тонкими льдинками, которые больше никогда не растают. А вот сейчас она чувствует, что этих льдинок больше нет и что вся она живая и насквозь тёплая.

В кухне хозяйка топила печь. Весёлые отблески огня играли на стене. На печке кто-то сладко посапывал. Валентинка заглянула туда. Краснощёкий вихрастый парнишка крепко спал, оттопырив губы.

«Романок! — вспомнила Валентинка. — А где же девочки?» И тотчас почувствовала, что на неё кто-то смотрит. Валентинка приподнялась, оглянулась. Солнечные полосы на стенах стали ярко-жёлтыми, на замороженных стёклах заиграли огоньки. Солнечный денёк начинался на улице!

А из угла, из-за спинки грубой деревянной кровати, любопытными глазами глядела на неё рыжеватая девчонка. Светлые косички, будто

рогульки, торчали кверху. Валентинка узнала Таиску.

— А твои тётеньки ушли! — сказала Таиска.

Валентинка встревоженно оглядела избу:

— Ушли? А меня... А я как же?

— А ты у нас будешь жить. Мне мамка сказала. Тебе хочется у нас жить?

— Не знаю. Мне всё равно.

— А ты немцев видела? Они страшные?

Валентинка молчала. Когда начинали говорить про немцев, у неё каменело сердце. Но Таиска не унималась:

— А немцы прямо к вам в дом пришли, да?..

Из кухни появилась мать.

— Это кто здесь про немцев затеял? — сердито сказала она. — Больше разговоров не нашли? Картошка сварилась, вставайте чистить!

Потом подошла к Валентинке и ласково спросила:

— Отогрелась?

Таиска живо соскочила с постели и растолкала Грушу. Груша поднялась лениво. Она была пухлая, белая, похожая на булку. Она одевалась, а сны всё ещё снились ей. Далёкими